—— ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА **—**

УДК 314.15(571.6)

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И РЕГИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

© 2019 г. С. Н. Мищук

Институт комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН, Биробиджан, Россия e-mail: svetamic 79@mail.ru

Поступила в редакцию 28.07.2018 г.; после доработки 29.01.2019 г.; принята в печать 04.04.2019 г.

На основе анализа статистических данных представлены результаты комплексной оценки миграционных процессов на Дальнем Востоке России, включая динамику безвозвратной миграции, а также внутренней и внешней трудовой миграции. Показаны региональные особенности динамики миграционных процессов на Дальнем Востоке России в постсоветский период (1992-2016 гг.). Определено, что, если до 1997 г. в миграционном обороте Дальнего Востока наибольшая доля мигрантов перемещалась в пределах России, исключая дальневосточные регионы, то начиная с 2000 г. по настоящее время доля мигрантов внутри Дальнего Востока превышает суммарную долю миграций вне данного макрорегиона и международных мигрантов. В рамках оценки внутренней трудовой миграции показана лидирующая роль Еврейской автономной области по доле экономически активного населения, осуществляющего трудовую деятельность за пределами региона проживания. Исследование динамики и территориальной структуры международной трудовой миграции за период 2010-2015 гг. отражает потерю Дальним Востоком лидирующих позиций по числу привлеченных трудовых иммигрантов, в том числе из Китая, среди федеральных округов России. Установлено, что в большинстве регионов Дальнего Востока преобладают иммигранты, осуществляющие трудовую деятельность на основе патентов. Изучение миграционной политики в период с 2013 по 2017 г. позволило сделать вывод о противоположных подходах на федеральном и региональном уровнях к практике привлечения иммигрантов на рынок труда в дальневосточных регионах.

Ключевые слова: Дальний Восток, трудовые мигранты, внутрирегиональная миграция, межрегиональная миграция, международная миграция, постсоветский период, регионы.

DOI: https://doi.org/10.31857/S2587-55662019653-67

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Особенности географического положения удаленность от центральных районов страны и низкая транспортная доступность территории продолжают оказывать влияние на показатели социально-экономического развития Дальнего Востока (ДВ). Миграционные процессы на ДВ служат объектом исследования многих авторов. В рамках макроэкономического подхода затрагиваются вопросы общероссийского масштаба [5, 6, 14]. На региональном уровне проведено много исследований, основанных на анализе статистических данных о демографической ситуации [18, 22], оценке связи миграции с показателями социально-экономического развития регионов, уровнем жизни населения, состоянием рынка труда [8-10, 20]. В работах по миграции на ДВ безусловное лидерство занимают исследования внутрироссийской и международной трудовой миграции [4, 19, 21, 22, 24, 25], а также вопросы взаимодействия мигрантов и принимающего населения региона [1, 2, 13]. Однако, несмотря на разнообразие работ по вопросам миграции на ДВ России, данные исследования не позволяют сформировать целостное представление о миграционных процессах на Дальнем Востоке.

Цель нашего исследования состоит в комплексной оценке динамики миграционных процессов на ДВ России в постсоветский период на уровне всего макрорегиона и отдельных его регионов. В работе более подробно анализируется ситуация в отдельные годы (2011, 2015, 2016), что объясняется изменениями в статистическом учете и нормативно-правовых условиях осуществления трудовой деятельности мигрантами. Исследование основано на анализе нормативно-правовых, статистических и эмпирических данных.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

В настоящее время статистические показатели для исследования миграционных процессов в целом по России достаточно широко представлены в сборниках и бюллетенях, однако для анализа структуры внутренней миграции на уровне отдельных регионов, а также количественных и качественных характеристик трудовой миграции необходимо привлекать дополнительные данные [7, 17].

В исследовании рассмотрен период с 1992 по 2016 г. Проведен анализ коэффициентов интенсивности по прибытию и выбытию, коэффициента миграционного прироста, коэффициента интенсивности миграционного оборота в расчете на 1 тыс. человек, коэффициента эффективности миграции. За период с 1992 по 1996 г. использованы данные Федеральной государственной службы статистики, с 1997 по 2016 г. – материалы Единой межведомственной информационностатистической системы. В связи с несопоставимостью данных двух статистических баз, а также введением новых правил статистического учета мигрантов с 2011 г. (см. ниже) безвозвратная миграция на Дальнем Востоке в целом и в отдельных регионах рассмотрена в рамках нескольких временных отрезков (1992–1996, 1997–2001, 2002-2006, 2007-2010 и 2011-2016 гг.). Анализ показателей внутренней трудовой миграции охватывает период с 2011 по 2017 г. Ситуация с привлечением иностранных трудовых мигрантов рассматривается в 2010 и 2015 гг. На основе анализа нормативно-правовых актов региональных органов власти исследованы особенности реализации миграционной политики в отношении трудовых мигрантов на современном этапе.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Безвозвратная миграция. До 1990 г. государственная политика играла решающую роль в миграционных процессах и динамике социально-экономического развития ДВ в целом и отдельных его регионов. В течение 1985—1991 гг. население прибывало на ДВ, исходя из существовавшего ранее имиджа привлекательного района с высоким уровнем доходов [15]. С 1987 г. сальдо миграции на ДВ резко сократилось. В то время уже ухудшалось социально-экономическое положение макрорегиона, хотя это еще не отражалось достаточно полно в статистике. В августе 1987 г. была принята долговременная государственная программа комплексного развития производительных сил Дальневосточного экономического района, Бурятской АССР и Читинской области на период до 2000 г., которая ставила задачу экономического развития этой территории в отличие от обозначенных ранее военно-стратегических задач. Однако смена целевых установок развития не успела оказать положительного влияния на динамику миграционных процессов. Население ощущало чаще негативные перемены и уже начинало реализовывать свои миграционные настроения. С этого времени миграция стала определять общую динамику численности населения на ДВ; с 1991 г. сальдо миграции приобретает устойчивое отрицательное значение.

Число прибывших и выбывших мигрантов на ДВ постоянно снижалось до 2010 г. При изучении динамики миграционных процессов после 2010 г. необходимо учитывать, что с 2011 г. в качестве долгосрочных мигрантов стали учитывать лиц, зарегистрированных по месту пребывания на срок 9 месяцев и более (ранее этот срок составлял год и более). Кроме того, для строительства объектов к саммиту АТЭС в 2012 г. привлекалось большое число мигрантов. Демографические процессы на ДВ в постсоветский период подтверждают выводы Т.Л. Бородиной, Е. Вакуленко и С. Сардадвара [3, 25] о преобладающем влиянии экономических факторов на миграционную подвижность населения.

С 1990 по 2000 г. доля миграционной убыли в общей убыли населения Дальнего Востока превышала 85% (рис. 1). При незначительном снижении данного показателя с 2001 по 2010 г. (63–66%) к 2015 г. он поднялся до 87%. В 2016 г. снижение миграционной убыли населения на 27 п.п. к уровню предыдущего года произошло из-за увеличения прибывших при сокращении выбывших. Снижение коэффициента миграционной убыли населения в целом по ДВ обусловлено улучшением показателей в Магаданской и Сахалинской областях, Хабаровском крае, Республике Саха (Якутия).

С 1992 по 2010 г. для Дальнего Востока характерно постепенное снижение интенсивности миграционного оборота, обусловленное высокой миграционной активностью населения в 1990-е годы. С 2011 по 2016 г. интенсивность миграционного оборота возросла в 2.1 раза¹.

При сохранении отрицательных значений несколько улучшились показатели эффективности и результативности миграции в период 2011—2016 гг. в сравнении с другими временными отрезками (табл. 1). Коэффициент эффективности миграции в последний рассматриваемый период составил —4.7, коэффициент результативности миграции отражает потерю Дальним Востоком своего населения.

¹ На увеличение коэффициентов, безусловно, влияют особенности статистического учета с 2011 г., однако миграционный оборот в регионе растет на протяжении 2011—2016 гг., что позволяет говорить об изменениях в миграционных процессах ДВ и его регионов.

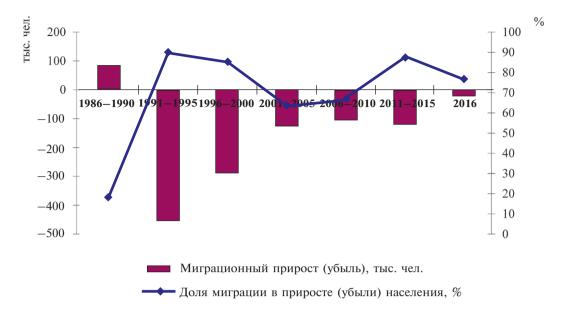

Рис. 1. Миграционный прирост (убыль) населения Дальнего Востока России в 1986—2016 гг. Составлен на основе данных http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096034906 и http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156

Таблица 1. Относительные показатели миграции на Дальнем Востоке России, 1992—2016 гг.

Показатель	1992—1996 гг.	1997—2001 гг.	2002—2006 гг.	2007—2010 гг.	2011—2016 гг.
Коэффициент интенсивности миграционного оборота, ‰	80.1	56.2	40.8	36.7	78.4
Коэффициент интенсивности по прибытию, $‰$	46.3	24.4	18.6	16.8	37.4
Коэффициент интенсивности по выбытию, %	46.3	31.8	22.2	20.0	41.1
Коэффициент миграционного прироста, ‰	-12.5	-7.5	-3.6	-3.2	-3.7
Коэффициент эффективности миграции, %	-15.5	-13.1	-8.9	-8.8	-4.7
Коэффициент результативности миграции, ‰	1368.2	1301.9	1195.1	1193.4	1098.1

Составлена на основе данных http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc 1140096034906

В течение 1993—2016 гг. менялась структура миграционного оборота Дальнего Востока по видам безвозвратной миграции (внутрирегиональная², межрегиональная³, международная). Максимальная доля внутрирегиональных мигрантов в макрорегионе зафиксирована в 2006 г. (54.6%), межрегиональных — в 1994 г. (50.5%),

что было связано с активным миграционным оттоком населения за пределы ДВ. Доля международных мигрантов начиная с 2011 г. постоянно возрастает и составила в 2016 г. 12% общего миграционного оборота. Изменение статистического учета мигрантов с 2011 г. наиболее ярко отразилось на численности прибывших из-за рубежа. При общем снижении числа прибывших на ДВ в 2011 г. к уровню 2010 г. на 9 п.п. число иммигрантов возросло в 4.5 раза, в том числе из стран СНГ — в 6.4 раза.

В 2016 г. 88.9% миграционного сальдо ДВ с зарубежными странами приходилось на страны ближнего зарубежья. Наибольшее число мигран-

² Внутрирегиональные мигранты — мигранты, перемещающиеся внутри Дальневосточного макрорегиона с целью смены места жительства.

 $^{^3}$ Межрегиональные мигранты — мигранты, перемещающиеся за пределы Дальневосточного макрорегиона, но в пределах России.

тов по прибытию и выбытию регистрируется из Узбекистана, Украины, Киргизии, Таджикистана и Армении.

В территориальном разрезе миграционные процессы за рассматриваемый период были неоднородны (рис. 2, 3), что во многом обусловлено различиями в уровне социально-экономического развития регионов. В Чукотском АО в 2011—2016 гг. отмечается наиболее высокая интенсивность миграционного оборота (173.7), сформированного в первую очередь за счет мигрантов, имеющих возможность трудоустройства в строительстве и золотодобыче [12], а также создания новых рабочих мест на действующих и новых проектах в сфере добычи полезных ископаемых.

Еврейская АО, напротив, демонстрирует наихудшие показатели миграции населения. При минимальной среди дальневосточных регионов интенсивности миграционного оборота, которая отражает ее низкую миграционную привлекательность, в 2011—2016 гг. в области отмечается ухудшение показателя результативности миграции населения при положительной динамике в других регионах. Негативные тенденции в ЕАО — результат низкого уровня жизни в регионе, что приводит к сохранению устойчивой убыли населения.

В Приморском и Хабаровском краях, Амурской области показатели миграции характеризуются положительной динамикой. В Амурской области рост коэффициента интенсивности по прибытию превышает рост коэффициента интенсивности по выбытию, что связано с реализацией инвестиционных проектов, в том числе со строительством в области Амурского газоперерабатывающего завода. Однако темпы роста коэффициента миграционного прироста в 2011—2016 гг. снизились по сравнению с 2007—2010 гг., что свидетельствует об отсутствии мотивации у населения закрепляться в регионе.

В Хабаровском и Приморском краях за период 2011—2016 гг. отмечаются минимальные значения миграционной убыли населения, а также максимальные показатели коэффициента результативности миграции. По относительным показателям миграции Сахалинская область занимает одно из лидирующих мест на ДВ, однако коэффициент миграционного прироста снижался и в 2011—2016, и в 2007—2010 гг.

Как в отдельных регионах, так и на Дальнем Востоке в целом с 1992 по 2010 г. отмечалось снижение интенсивности по прибытию и выбытию мигрантов при сокращении отрицательных значений эффективности и результативности миграции. Рост показателей начиная с 2011 г., очевидно, связан не только с изменениями в социально-экономическом развитии регионов и относительной стабилизацией миграционной

ситуации, но и с изменениями в статистическом учете мигрантов.

Трудовая миграция. Внутрироссийская трудовая миграция. По мнению Л.Б. Кара-"миграция улавливает изменения чуриной. чрезвычайно чутко и быстро и тем самым отражает суть происходящих трансформаций в пространственной организации экономики" [11, с. 114]. Одним из ярких примеров влияния экономической ситуации на миграционную подвижность населения являются показатели внутренней трудовой миграции. Среди дальневосточных регионов ЕАО характеризуется наименее стабильной экономической ситуацией, что оказывает влияние на рост числа лиц, зарегистрированных на ее территории, но работающих за ее пределами.

По доле занятого населения, работающего за пределами региона, в 2017 г. ЕАО занимала седьмое место (в 2016 г. — шестое) среди регионов России и первое среди регионов ДВ. Первое место по числу выезжающих трудовых мигрантов за пределы региона проживания занимает Приморский край, второе — ЕАО (рис. 4). Однако в относительных величинах в 2017 г. из Приморского края выехал 1.1% населения, из ЕАО — 10.1%. В других регионах ДВ данный показатель колеблется от 0.3% в Республике Саха (Якутия) до 1.0% в Амурской области.

Данная ситуация в EAO объясняется в первую очередь самой низкой среди регионов ДВ заработной платой. В силу территориальной близости к EAO и более высоких показателей развития рынка труда в Хабаровском крае около 90% всех межрегиональных трудовых мигрантов из EAO заняты в крае.

Внешняя трудовая миграция играет важную роль в формировании рынка труда дальневосточных регионов. Сравнительный анализ численности иностранной рабочей силы⁴ (ИРС) в 2010 и 2015 гг. по Дальневосточному и другим

⁴ В статье приведены данные по числу иностранных граждан, осуществлявших трудовую деятельность на территории Российской Федерации. С 2011 г. такие данные разрабатывались на основании: 1) выданных разрешений на работу – для иностранных граждан и лиц без гражданства, прибывших в визовом и безвизовом порядке въезда; 2) выданных патентов на осуществление трудовой деятельности у физических лиц – для иностранных граждан и лиц без гражданства, прибывших в порядке, не требующем получения визы. С 2015 г. данные разрабатываются на основании: 1) выданных разрешений на работу - для иностранных граждан, прибывших в визовом порядке въезда; 2) выданных патентов на осуществление трудовой деятельности у физических и юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных лиц, чья деятельность подлежит регистрации - для иностранных граждан, прибывших в порядке, не требующем получения визы [Труд и занятость в России. М.: Росстат, 2017. С. 143-144].

2

5

9

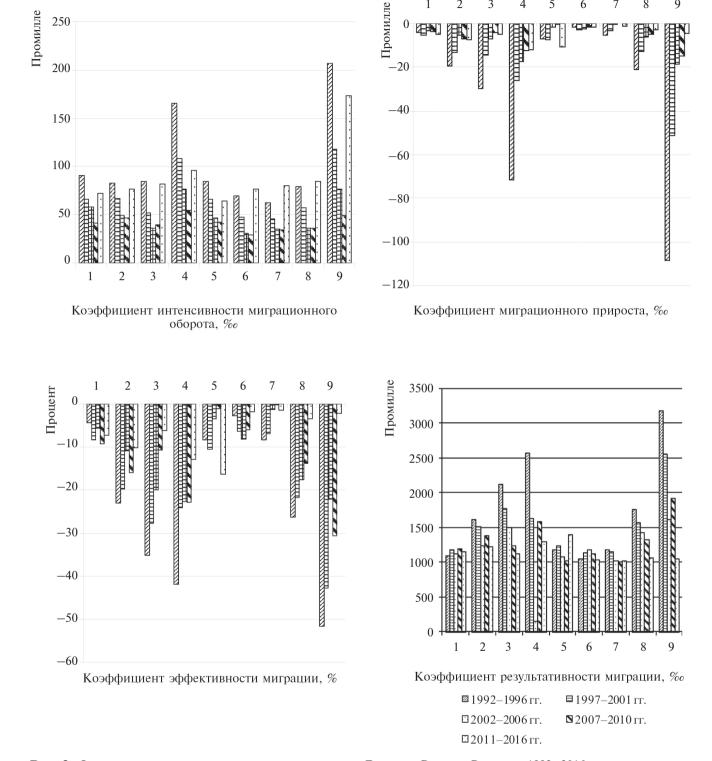

Рис. 2. Относительные показатели миграции в регионах Дальнего Востока России в 1992-2016 гг. Составлен на основе данных http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/ doc 1140096034906

¹ — Амурская обл., 2 — Республика Саха (Якутия), 3 — Камчатский край, 4 — Магаданская обл., 5 — Еврейская АО, 6 — Приморский край, 7 — Хабаровский край, 8 — Сахалинская обл., 9 — Чукотский АО.

58 МИЩУК

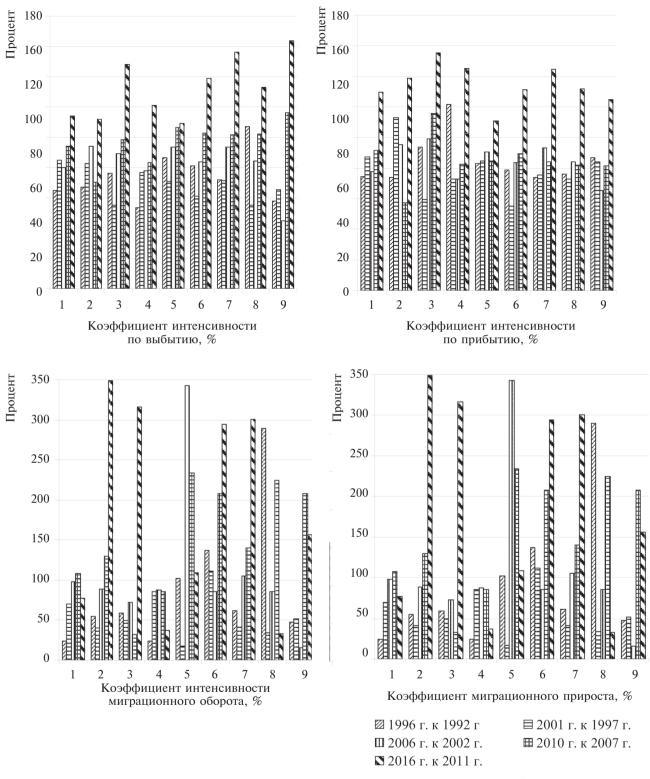

Рис. 3. Изменение коэффициентов миграции в регионах Дальнего Востока с 1992 по 2016 г. по периодам. Составлен на основе данных http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096034906

¹ — Амурская обл., 2 — Республика Саха (Якутия), 3 — Камчатский край, 4 — Магаданская обл., 5 — Еврейская АО, 6 — Приморский край, 7 — Хабаровский край, 8 — Сахалинская обл., 9 — Чукотский АО.

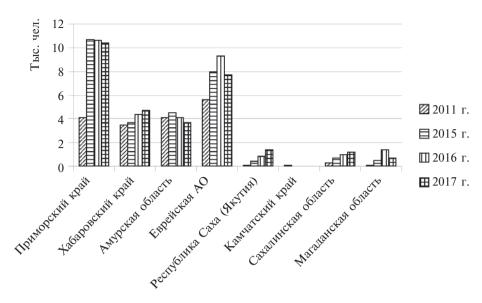

Рис. 4. Численность внутрироссийских трудовых мигрантов в регионах Дальнего Востока, выезжающих за пределы региона проживания, 2011—2017 гг.

Составлен на основе данных http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_36/Main.htm (c 2011 по 2016 г.) и http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140097038766 (2017 г.).

федеральным округам $P\Phi$ (рис. 5, 6) позволяет отметить следующие черты.

В 2010 г. по числу иностранных граждан, получивших разрешение на работу, на одну тысячу жителей Дальний Восток занимал первое место в России; в 2015 г. макрорегион перешел на третье место, уступив Центральному и Северо-Западному федеральным округам.

К 2015 г. в два раза снизилась доля ДВ в численности иностранной рабочей силы в России, что определило седьмое место из девяти федеральных округов. Однако по доле мигрантов, имевших разрешение на работу (т. е. мигрантов из стран дальнего зарубежья), ДВ занимает второе место.

Доля ИРС от среднесписочной численности занятых на ДВ в 2010 г. составляла 4.6%, что было максимальным показателем среди федеральных округов. В 2015 г. ДВ занимает третье место. При учете только иностранных граждан, имеющих действующее разрешение на работу (но не патент), от среднесписочной численности занятых, ДВ занимает первое место в России (1.1% при среднем уровне по стране 0.3%). Таким образом, при общем снижении числа иностранных трудовых мигрантов к 2015 г. на ДВ сохраняется относительно высокая доля мигрантов из стран дальнего зарубежья.

По соотношению числа иностранных граждан, имевших действующие разрешения на работу или действующий патент, дальневосточные регионы можно разделить на две группы (рис. 7). В первой группе (Приморский край,

Амурская область и Еврейская автономная область) в 2015 г. численность иностранных граждан, имевших действующее разрешение на работу, превышала численность граждан, имевших действующий патент. По данным региональных УФМС России, в 2015 г. в структуре трудовых мигрантов, работавших по разрешениям, на долю китайских мигрантов приходилось: в ЕАО — 97%, в Амурской области — 74%, Приморском крае — 55% [16].

Ко второй группе относятся шесть регионов ДВ (Республика Саха (Якутия), Камчатский и Хабаровский края, Магаданская и Сахалинская области, Чукотский автономный округ). В них выше численность иностранных граждан, имевших действующий патент, т. е. мигрантов, прибывших из стран СНГ. Наибольшее число мигрантов в общей численности граждан, осуществлявших трудовую деятельность на основе действующего патента в данных регионах, прибыло из Узбекистана, Кыргызстана, Украины.

Квалифицированные и высококвалифицированные иностранные граждане (КИС⁵

⁵ Приказом Минтруда России от 28 мая 2015 г. № 324н утвержден перечень профессий (специальностей, должностей) иностранных граждан — квалифицированных специалистов, на которых квоты на выдачу иностранным гражданам, прибывающим в Российскую Федерацию на основании визы, разрешений на работу не распространяются. В перечень профессий входит около 80 наиболее дефицитных и востребованных специальностей.

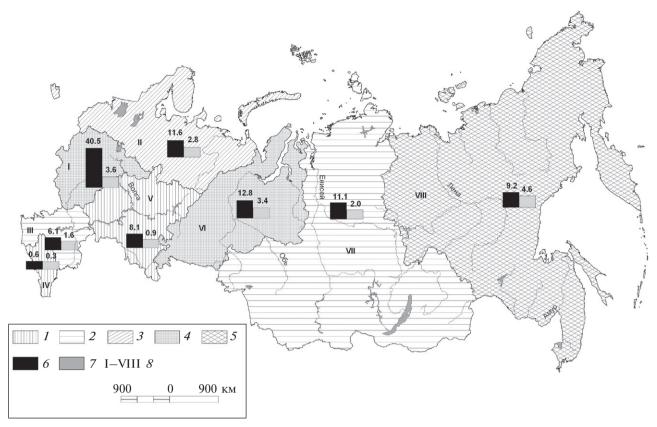

Рис. 5. Количественные показатели иностранной рабочей силы по федеральным округам России, 2010 г. 1–5 — численность иностранной рабочей силы на 1 тыс. жителей, чел.: (*I*) менее 4.7; (*2*) 4.8–9.5; (*3*) 9.6–14.3; (*4*) 14.4–19.1; (*5*) более 19.1; *6* — доля федерального округа в общей численности иностранной рабочей силы в России, %; 7 — доля иностранной рабочей силы в численности занятых в федеральном округе, %; 8 — федеральные округа: І — Центральный, ІІ — Северо-Западный, ІІІ — Южный, ІV — Северо-Кавказский, V — Приволжский, VI — Уральский, VII — Сибирский, VIII — Дальневосточный.

Составлен на основе данных http://www.gks.ru/bgd/regl/B11 14p/Main.htm (2011 г.).

и ВКИС⁶) могут осуществлять трудовую деятельность на территории РФ на льготных условиях. Максимальное число квалифицированных специалистов, получивших разрешение на работу, отмечено в ЦФО (43% от общей численности КИС по РФ). По нашим расчетам, доля ДФО в общей численности КИС и ВКИС в России в 2015 г. составила 13.7 и 5.6% соответственно. В расчете на 1000 населе-

ния число квалифицированных специалистов в ЦФО составляет 230 человек, в то время как в ДФО 338 человек. Многие отрасли Дальнего Востока испытывают нехватку в рабочей силе, которая компенсируется за счет привлечения иностранных граждан.

Среди регионов ДВ Сахалинская область является лидером по абсолютному числу привлеченных КИС и ВКИС, их доля от общей численности данных категорий специалистов на ДВ составила 40.3 и 87.9% (табл. 2). Лидирующие позиции Сахалинской области в первую очередь объясняются наличием в структуре ее экономики отраслей с высокой заработной платой, которая служит важным критерием при получении разрешений для высококвалифицированных специалистов. В структуре промышленного производства области доминирующее положение занимает нефтегазовый комплекс (85% объема промышленного производства региона). В 2015 г. среднемесячная начисленная заработная плата по области составляла

⁶ Согласно п. 1 ст. 132 "Особенности осуществления трудовой деятельности иностранными гражданами — высококвалифицированными специалистами" Федерального закона от 19.05.2010 г. № 86-ФЗ "высококвалифицированным специалистом признается иностранный гражданин, имеющий опыт работы, навыки или достижения в конкретной области деятельности, если условия привлечения его к трудовой деятельности в Российской Федерации предполагают получение им заработной платы (вознаграждения) в размере двух и более миллионов рублей за период, не превышающий одного года". С 15 февраля 2011 г. в данный пункт внесены изменения, связанные с изменением дифференциации размера заработной платы такого работника.

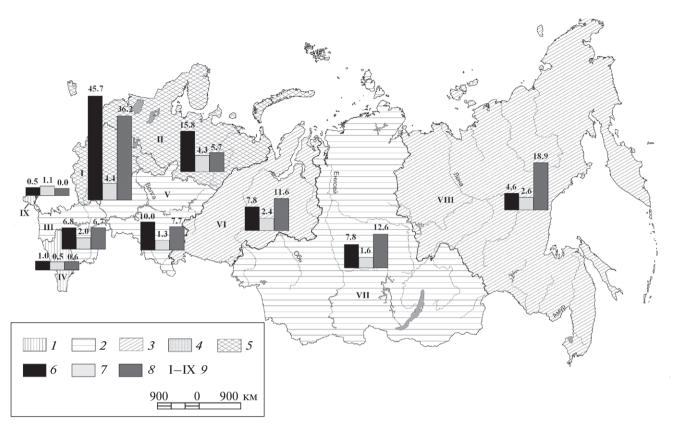

Рис. 6. Количественные показатели иностранных граждан, имевших действующее разрешение на работу и действующий патент, по федеральным округам России, 2015 г.

I-5 — численность иностранных граждан, имевших действующее разрешение на работу и патент на 1 тыс. жителей, чел.: (I) менее 4.7; (2) 4.8—9.5; (3) 9.6—14.3; (4) 14.4—19.1; (5) более 19.1; 6 — доля федерального округа в России в численности иностранных граждан, имевших действующее разрешение на работу или патент, %; 7 — доля иностранных граждан, имевших действующее разрешение на работу или действующий патент, в среднесписочной численности занятых, %; 8 — доля федерального округа от численности иностранных граждан, имевших действующее разрешение на работу; 9 — федеральные округа: I — Центральный, II — Северо-Западный, III — Южный, IV — Северо-Кавказский, V — Приволжский, VI — Уральский, VII — Сибирский, VIII — Дальневосточный; IX — Крымский.

Составлен на основе данных http://www.gks.ru/bgd/regl/B11 14p/Main.htm (2016 г.).

61.3 тыс. руб., а в нефтегазовом комплексе области соответствующий показатель достигал 288.7 тыс. руб. 7

Таким образом, внешняя трудовая миграция занимает важное место в экономическом развитии Дальнего Востока. В перспективе можно предположить сокращение в макрорегионе числа полученных разрешений на работу для мигрантов. Однако это не значит, что сократится общее число иностранных трудовых мигрантов из стран дальнего зарубежья. Вероятно увеличение числа КИС и ВКИС, прибывающих из стран дальнего зарубежья, в связи с предъявлением особых условий для данных специалистов, а также в связи с принятием Федерального закона "О территориях опережающего социально-эко-

номического развития в Российской Федерации" от 31.12.2014 г. № 519-ФЗ, согласно которому в рамках данных территорий получение разрешений на привлечение и использование иностранных работников не требуется. Число трудовых мигрантов, прибывающих в безвизовом режиме и осуществляющих трудовую деятельность на основании патентов, может снизиться из-за соглашений стран-участниц Евразийского экономического союза (Россия, Белоруссия, Казахстан, Армения и Киргизия) об осуществлении трудовой деятельности без патента. Однако фактически мигранты из этих стран будут работать в российских регионах.

В целом можно сделать вывод, что на федеральном уровне реализуются мероприятия, направленные на увеличение числа иностранных трудовых мигрантов, создание льготных условий привлечения трудовых мигрантов из отдельных

⁷Инвестиционный портал Сахалинской области. http://investinsakhalin.ru/ru/about/economy/

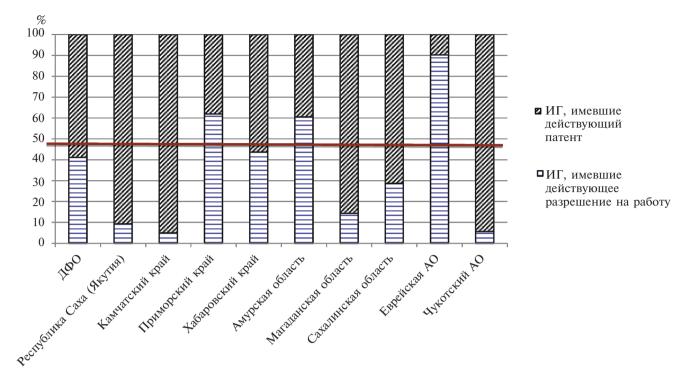

Рис. 7. Иностранные граждане (ИГ), осуществлявшие трудовую деятельность в регионах ДВ в 2015 г., %. Составлен на основе данных http://www.gks.ru/bgd/regl/B11 14p/Main.htm (2016 г.).

стран и определенных профессий. При этом в дальневосточных регионах упрощенный режим для привлечения КИС и ВКИС не используется работодателями в полной мере [16].

Миграционная политика. На уровне регионов ДВ отмечается применение ограничительных мер в отношении трудовых мигрантов. Начиная с 2013 г. по причине нарушений земельного законодательства в Амурской области используется практика нулевого квотирования для китайских мигрантов в сельском хозяйстве⁸. Потребности в трудовых ресурсах компенсировались за счет привлечения граждан СНГ и КНДР. В настоящее время причины запрета на труд мигрантов связаны не только с экологическими, но и с социальноэкономических аспектами [23]. В других дальневосточных регионах принимаемые меры направлены на снижение числа мигрантов из стран СНГ. 7 декабря 2015 г. было подписано Постановление Правительства РФ № 1327, согласно которому региональные органы власти могли вводить запрет на привлечение мигрантов, действующих на основании патента, по отдельным видам экономической деятельности. Запрет распространяется на год и может быть пролонгирован.

В Магаданской области в июне 2015 г., за полгода до вышеуказанного постанов-

Правительства РФ, постановлением губернатора⁹ введен запрет на прием на работу мигрантов из стран СНГ в горнорудной и золотодобывающей отраслях на должводителей, машинистов бульдозера и погрузочных машин. Основанием для введения данного запрета является норма федерального закона, согласно которой "высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации ... вправе ежегодно с учетом региональных особенностей рынка труда и необходимости в приоритетном порядке трудоустройства граждан Российской Федерации устанавливать запрет на привлечение хозяйствующими субъектами... иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность

⁸ http://www.km.ru/economics/2012/09/19/rynok-trudai-bezrabotitsa-v-rossii/692599-selskoe-khozyaistvo-amurskoioblasti

⁹ Постановление губернатора Магаданской области от 25 июня 2015 г. № 114-п "Об установлении на 2015 г. запрета на привлечение хозяйствующими субъектами, осуществляющими деятельность на территории Магаданской области, иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на основании патентов" (с изменениями и дополнениями). В августе 2016 г. данное Постановление было признано утратившим силу (Постановление губернатора Магаданской области от 3 августа 2016 г. № 168-п "О признании утратившими силу отдельных постановлений губернатора Магаданской области"). https://www.49gov.ru/documents/one/index.php?id=12582&file_url=/common/js/pdfjs/web/viewer.html?file=/common/upload/1/document/postanovle nie 000 12582 03.08,2016 1.pdf.

Таблица 2. Характеристика отдельных категорий трудовых мигрантов в регионах Дальнего Востока, 2015 г.

Доля КИС/ВКИС от численности ИРС, %	Территориальная структура КИС, %	Территориальная структура ВКИС, %
1.2/2.4	ЦФО — 43, СЗФО — 16.9, УФО —15.6, КНР — 21	Из стран с визовым режимом — 86.3. КНР — 22.9, Вьетнам — 15.8, Турция — 7.2, Филиппины — 6.7, Украина — 5.2
2.5/0	KHP – 86.6	Не привлекались
4.9/0.05	КНР — 98.9, КНДР — 1.1	КНР (нет количественных данных)
0.05/0.02	КНР, КНДР	Германия (нет количественных данных)
0/0.03	Нет данных	Австрия, ЮАР
6.5/1.3	КНР — 75.2, КНДР — 19.6	КНР — 44.7, Япония — 8.1, Вьетнам и Великобритания — 5.1
8.8/15.4	В безвизовом порядке — 97.8. В визовом порядке — 2.2	Нет данных
1.1/0.3	КНР — 77.1, КНДР — 16.4, Малайзия — 3.1	Республика Корея, Франция, Япония, Испания, Швеция, США (нет количественных данных)
2.3/0.0	KHP – 99.4	KHP – 57.9
	2.5/0 4.9/0.05 0.05/0.02 0/0.03 6.5/1.3 8.8/15.4	1.2/2.4 СЗФО — 16.9, УФО —15.6, КНР — 21 2.5/0 КНР — 86.6 4.9/0.05 КНР — 98.9, КНДР — 1.1 0.05/0.02 КНР, КНДР 0/0.03 Нет данных 6.5/1.3 КНР — 75.2, КНДР — 19.6 В безвизовом порядке — 97.8. В визовом порядке — 97.8. В визовом порядке — 2.2 КНР — 77.1, КНДР — 16.4, Малайзия — 3.1

Примечание: Таблица составлена автором на основе докладов территориальных управлений Федеральной миграционной службы о миграционной ситуации в регионах ДВ в 2015 г., итогового доклада о миграционной ситуации, результатах и основных направлениях деятельности Федеральной миграционной службы за 2015 г.: https://fms.gov.ru (дата обращения 18.03.2016).

в регионе на основании патентов, по отдельным видам экономической деятельности"¹⁰.

В Сахалинской области в июле 2016 г. введен запрет на привлечение хозяйствующими субъектами в 2016 г. иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на основании патентов. Запрет распространялся на определенные

виды деятельности¹¹. Несмотря на то что основная цель запрета связана с необходимостью поддержания оптимального баланса трудовых ресурсов в регионе путем трудоустройства в приоритетном

 $^{^{10}}$ Федеральный закон № 115-ФЗ от 25.07.2002 г. "О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации" (http://docs.cntd.ru/document/901823501), пункт 6 статьи 18.1.

¹¹ Указ губернатора Сахалинской области от 14 июля 2016 г. № 41 "Об установлении на 2016 г. запрета на привлечение хозяйствующими субъектами, осуществляющими деятельность на территории Сахалинской области, иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на основании патентов, по отдельным видам экономической деятельности" (http://docs.cntd. ru/document/441509257).

порядке российских граждан, ограничение затрагивает лишь часть трудовых мигрантов. Не запрещена трудовая деятельность иностранных граждан, имеющих разрешение на временное проживание или вид на жительство; на граждан, прибывающих из стран государств-членов Евразийского экономического союза (Армения, Киргизия. Белоруссия. Казахстан), а также граждан, прибывающих из стран с визовым порядком въезда. Например, граждан Киргизии, которые занимают лидирующую позицию среди стран СНГ по количеству приезжающих в Сахалинскую область, запрет не коснется. Не изменилось число мигрантов из Северной Кореи и Китая, прибывающих в визовом режиме и преимущественно занятых в строительстве¹². В 2017—2018 гг. перечень видов экономической деятельности, на которые распространялся запрет на привлечение хозяйствующими субъектами иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на основании патентов, был расширен и дополнительно включал строительные работы¹³ и деятельность $oxpahhыx фирм^{14}$.

В марте 2017 г. на основании указа главы Республики Саха (Якутия)¹⁵ также введен запрет на привлечение иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на основании патентов, в рамках 14 видов экономической деятельности. Установление запрета связано с высоким уровнем безработицы в республике и необходимостью стабилизации ситуации на республиканском рынке труда. На 2018 г. запрет распространялся на 13 видов экономической деятельности. Отметим,

что данные ограничения не распространяются на резидентов территорий опережающего социально-экономического развития на территории Республики Саха (Якутия) и участников региональных инвестиционных проектов¹⁶.

Таким образом, на уровне регионов применяются ограничения трудовой деятельности мигрантов из стран СНГ, однако на практике граждане государств-членов Евразийского экономического союза (Армения, Киргизия, Белоруссия, Казахстан) не попадают под запрет трудовой деятельности для мигрантов из стран безвизового режима, что позволяет предположить сохранение существующей географической структуры трудовых мигрантов на ДВ.

ВЫВОДЫ

Постсоветский период характеризуется сокращением численности населения на Дальнем Востоке, что в большей мере связано с миграционной убылью населения. Изменение неттомиграции имело ряд отличий по регионам и характеризовалось более значительным оттоком населения до 2010 г., постепенным снижением коэффициентов интенсивности прибытий и выбытий и относительной стабилизацией отрицательных показателей в последующие годы.

Внутрирегиональная (в пределах ДВ) миграция преобладает в миграционном обороте макрорегиона, однако межрегиональные (за пределы ДВ) миграционные потоки тоже велики. Международная миграция, в первую очередь со странами СНГ, частично компенсирует формирующиеся негативные тенденции в рамках межрегиональной миграции. Потребности регионов ДВ в трудовых мигрантах из стран дальнего зарубежья будут возрастать в связи с крупными инвестиционными проектами и проектами резидентов территорий опережающего развития, а также необходимостью привлечения квалифицированных и высококвалифицированных иностранных специалистов. Увеличение числа мигрантов из стран СНГ может происходить, в первую очередь, за счет иммиграции граждан стран-участниц ЕАЭС, на которых не распространяются возможные запреты, направленные на ограничение числа иностранных трудовых мигрантов, работающих на основании патента.

¹² Рассмотрены условия привлечения трудовых мигрантов из КНДР до принятия 11.09.2017 г. Резолюции 2375 СБ ООН.

¹³ Указ губернатора Сахалинской области от 20 февраля 2017 г. № 5 "Об установлении на 2017 год запрета на привлечение хозяйствующими субъектами, осуществляющими деятельность на территории Сахалинской области, иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на основании патентов, по отдельным видам экономической деятельности" (http://docs.cntd.ru/document/446236792).

¹⁴Указ губернатора Сахалинской области от 26 декабря 2017 г. № 39 "Об установлении на 2018 год запрета на привлечение хозяйствующими субъектами, осуществляющими деятельность на территории Сахалинской области, иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на основании патентов, по отдельным видам экономической деятельности" (с изменениями на 19 апреля 2018 г.) (http://docs.cntd.ru/document/446607203).

¹⁵ Указ главы РС(Я) от 24.03.2017 г. № 1817 "Об установлении на 2017 г. запрета на привлечение хозяйствующими субъектами, осуществляющими деятельность на территории Республики Саха (Якутия), иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на основании патентов, по отдельным видам экономической деятельности" (http://base.garant.ru/48161950/).

¹⁶ Указ главы РС(Я) от 29.12.2017 г. № 2346 "Об установлении на 2018 г. запрета на привлечение хозяйствующими субъектами, осуществляющими деятельность на территории Республики Саха (Якутия), иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на основании патентов, по отдельным видам экономической деятельности" (в редакции Указа главы Республики Саха (Якутия) от 31.03.2018 № 2506).

Максимальное число внутренних трудовых мигрантов, выезжающих за пределы региона проживания, отмечается в EAO, что обусловлено низким уровнем доходов населения и высоким уровнем безработицы.

Несмотря на возрастающее внимание со стороны государства к развитию Дальнего Востока на протяжении последних лет, показатели неттомиграции остаются отрицательными. Возникает противоречие между федеральным и региональным подходами к управлению миграционными процессами: несмотря на наличие федеральных инструментов для привлечения мигрантов, региональные органы власти в ряде случаев стремятся защитить рынок труда и ограничить сферы деятельности международных мигрантов. При этом на практике протекционизм в отношении местных трудовых ресурсов в регионах ДВ ограничен действием международных соглашений России со странами-членами ЕАЭС.

ФИНАНСИРОВАНИЕ

Работа выполнена в рамках госзадания ИКАРП ДВО РАН.

FUNDING

The work was performed within the framework of the state-ordered research theme of the Institute for Complex Analysis of Regional Problems FEB RAS.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. *Анисимова С.Г.* Девиантологические аспекты миграции граждан Китая в Республику Саха (Якутия) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18: Социология и политология. 2010. № 3. С. 132—144.
- 2. *Бляхер Л.Е.*, *Пегин Н.А*. Представления населения Дальнего Востока о китайских мигрантах (на рубеже XX–XXI вв.) // Диаспоры. 2011. № 1. С. 154–172.
- 3. *Бородина Т.Л.* Региональные особенности динамики населения России в постсоветский период // Изв. РАН. Сер. геогр. 2017. № 1. С. 47—61.
- 4. *Ващук А.С.* Трудовые мигранты из стран СНГ на Дальнем Востоке России в начале XXI в. // Россия и АТР. 2008. № 4. С. 56–68.
- Волох В.А. Миграционная политика: теоретикометодологические и концептуальные подходы // Вопросы политологии. 2012. № 1. С. 48–59.
- 6. Воробьева О.Д., Рыбаковский Л.Л., Савинков В.И. Основные проблемы современной миграционной политики России // Народонаселение. 2016. № 4 (74). С. 4—13.
- 7. *Гришанова А.Г., Красинец Е.С.* Трудовая миграция и миграционная политика в современном российском обществе // Миграционное право. 2014. № 1. С. 2–5.
- 8. *Журавская Т.Н.* Миграция из стран СНГ в Амурскую область в контексте синтетической

- теории // Пространственная экономика. 2016. № 3. С. 105-132.
- 9. *Ивакина А.И*. Оценка влияния миграции населения на социально-экономическое развитие Хабаровского края // Ученые заметки ТОГУ. 2016. Т. 7. № 4. С. 837–841.
- 10. *Ивашина Н.В.* Анализ трудовой миграции в Приморском крае // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2016. № 7 (289). С. 32—41.
- 11. *Карачурина Л.Б.* Межрегиональная миграция и социально-экономическая дифференциация пространства современной России // Проблемы прогнозирования. 2006. № 3. С. 96—115.
- 12. *Кумо К.*, *Литвиненко Т.В*. Население Чукотки в пространстве и времени // Российские регионы: взгляд в будущее. 2016. Т. 3. № 3. С. 50–66.
- 13. Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Внешнее влияние и иностранное присутствие в Тихоокеанской России в восприятии ее жителей (по итогам опроса общественного мнения) // Россия и АТР. 2012. № 4 (78). С. 16—28.
- 14. *Минакир П.А.* Россия Китай на Дальнем Востоке: мнимые страхи и реальные угрозы // Пространственная экономика. 2009. № 3. С. 7–19.
- 15. *Мищук С.Н.* Внутренняя и международная миграция на российском Дальнем Востоке в середине XIX начале XXI в. // Изв. РАН. Сер. геогр. 2013. № 6. С. 33–42.
- 16. Мищук С.Н. Реализация современной миграционной политики на Дальнем Востоке России: федеральный и региональный аспекты // Региональная экономика: теория и практика. 2018. Т. 16. № 6. С. 1028—1041.
- 17. *Мкртичян Н.В.* Внутрироссийская трудовая миграция: масштабы и структурные характеристики // Научные труды: ИНП РАН. 2016. № 1. С. 546–561.
- 18. *Мотрич Е.Л.* Роль миграции в динамике численности и составе населения Дальневосточного федерального округа // Региональные проблемы. 2015. Т. 18. № 3. С. 6—14.
- 19. *Панкратова Л.А*. Китайская трудовая миграция на Дальний Восток России: современные реалии и перспективы // Российское предпринимательство. 2010. № 7–1. С. 185–190.
- 20. *Сукнева С.А.* Влияние миграции на формирование трудовых ресурсов Республики Саха (Якутия) // Экономический анализ: теория и практика. 2014. № 39 (391). С. 57–64.
- 21. *Ушакова В.Л.* Современные миграционные процессы на Дальнем Востоке России // Естественные и технические науки. 2010. № 6 (50). С. 344—349.
- 22. Adams O. Migration Patterns between the Russian Far East and China's Northeast: Lessons from Experience and Plans for the Future // Cont. Chinese Polit. Econ. and Strat. Relations: An Int. J. V. 1. № 2. August 2015. P. 145–186. http://icaps.nsysu.edu.tw/ezfiles/122/1122/img/2375/CCPS1(2)-Adams.pdf
- 23. *Kuhrt N*. The Russian Far East in Russia's Asia Policy: Dual Integration or Double Periphery? // Europe-Asia Studies. 2012. 64:3. P. 471–493. DOI: 10.1080/09668136.2012.661926

- 24. *Ohtsu S.* Changing Characteristics of International Labor Migration in Northeast Asia: With a Focus on the Russo-Chinese Border. http://src-h.slav.hokudai. ac.jp/coe21/publish/no2_ses/5-2_Ohtsu.pdf (дата обращения 10.11.2017).
- 25. Sardadvar S., Vakulenko E. A model of interregional migration under the presence of natural resources: theory and evidence from Russia // Annals of Reg. Sci. 2017. V. 59. № 2. P. 535–569.

REFERENCES

- 1. Anisimova S.G. Deviant aspects of Chinese citizens migration to Yakutia. *Vest. Mosc. Un-ta. Ser. 18: Sotsiologiya i Politologiya*, 2010, no. 3, pp. 132–144. (In Russ.).
- 2. Blyakher L., Pegin N. Perceptions of Chinese Migrants Amongst Residents of the Russian Far East. *Diaspory*, 2011, no. 1, pp. 154–172. (In Russ.).
- 3. Borodina T.L. Regional features of the dynamics of the population of Russia in the post-Soviet period. *Izv. Ross. Akad. Nauk, Ser. Geogr.*, 2013, no. 6, pp. 41–61. (In Russ.).
- 4. Vaschuk A.S. Migrant workers from CIS countries in the Far East at the beginning of XXI century. *Russia i ATR*, 2008, no. 4, pp. 56–68. (In Russ.).
- 5. Voloh V.A. Migration Policy: Theoretical, Methodological and Conceptual Approaches. *Voprosy Politologii*, 2012, no. 1, pp. 48–59. (In Russ.).
- 6. Vorobyeva O.D., Rybakovsky L.L., Savinkov V.I. The main problems of the current migration policy of Russia. *Narodonaselenie*, 2016, no. 4(74), pp. 4–13. (In Russ.).
- 7. Grishanova A.G., Krasinets E.S. Labour migration and migration policy in modern Russian society. *Migratsionnoe pravo*, 2014, no. 1, pp. 2–5. (In Russ.).
- 8. Zhuravskaya T.N. Migration from the CIS Countries to Amur Oblast in the Context of the Synthetic Theory. *Prostranstvennaya Ekonomika*, 2016, no. 3, pp. 105–132. (In Russ.).
- 9. Ivakina A.I. Evaluation of the influence of migration on the socio-economic development of the Khabarovsk krai. *Uchenye Zametki TOGU*, 2016, vol. 7, no. 4, pp. 837–841. (In Russ.).
- 10. Ivashina N.V. An analysis of labor migration in the Primorsky krai. *Finansovaya Analitika: Problemy i Resheniya*, 2016, no. 7 (289), pp. 32–41. (In Russ.).
- 11. Karachurina L. Interregional migration and socioeconomic differentiation of the modern space of Russia. *Problemy Prognozirovaniya*, 2006, no. 3, pp. 96–115. (In Russ.).
- 12. Kumo K., Litvinenko T. The population of Chukotka in space and time. *Rossiiskie Regiony: Vzglyad v Budushchee*, 2016, vol. 3, no. 3, pp. 50–66. (In Russ.).

- 13. Larin V., Larina L. External influence and foreign presence in the Pacific Russia in perception of its inhabitants (according to the survey of public opinion). *Russia i ATR*, 2012, no. 4 (78), pp. 16–28. (In Russ.).
- 14. Minakir P.A. Russia and China in the Far East: virtual fears and real threats. *Prostranstvennaya Ekonomika*, 2009, no. 3, pp. 7–19. (In Russ.).
- 15. Mishchuk S.N. Domestic and international migration in the Russian Far East in the mid-19th-early 21st century. *Reg. Res. Russ.*, 2013, vol. 3, no. 4, pp. 348–355.
- 16. Mishchuk S.N. Implementation of migration policy of the Far East of Russian in the modern period: federal and regional aspect. *Regional'naya Ekonomika: Teoriya i Praktika*, 2018, vol. 16, no. 6, pp. 1028–1041. (In Russ.).
- 17. Mkrtchyan N. Internal Labor Migration in Russia: Scale and Structural Characteristics. *Nauchnye Trudy: INP RAN*, 2016, no. 1, pp. 546–561. (In Russ.).
- 18. Motrich E.L. Impact of migration on dynamics and composition of the population in the Far Eastern Federal district. *Regional'nye Problemy*, 2015, vol. 18, no. 3, pp. 6–14. (In Russ.).
- 19. Ponkratova L.A. Chinese Labor Migration to the Russian Far East: Current Trends and Prospects. *Rossiiskoe Predprinimatel'stvo*, 2010, no. 7–1, pp. 185–190. (In Russ.).
- 20. Sukneva S.A. Influence of migration on formation of the workforce of the Republic of Sakha (Yakutia). *Ekonomicheskii Analiz: Teoriya i Praktika*, 2014, no. 39(391), pp. 57–64. (In Russ.).
- 21. Ushakova V.L. Modern migration processes in the Far East of Russia. *Estestvennye i Tekhnicheskie Nauki*, 2010, no. 6(50), pp. 344–349. (In Russ.).
- 22. Adams O. Migration Patterns between the Russian Far East and China's Northeast: Lessons from Experience and Plans for the Future // Contemporary Chinese Political Economy and Strategic Relations: An International Journal, vol. 1, no. 2, August 2015, pp. 145–186 http://icaps.nsysu.edu.tw/ezfiles/122/1122/img/2375/CCPS1(2)-Adams.pdf
- 23. Kuhrt N. The Russian Far East in Russia's Asia Policy: Dual Integration or Double Periphery? Europe-Asia Studies. 2012, 64:3, pp. 471–493. DOI: 10.1080/09668136.2012.661926.
- 24. Ohtsu S. Changing Characteristics of International Labor Migration in Northeast Asia: With a Focus on the Russo-Chinese Border. Available at: http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/coe21/publish/no2_ses/5-2_Ohtsu.pdf (accessed 10.11.2017).
- 25. Sardadvar S., Vakulenko E. A model of interregional migration under the presence of natural resources: theory and evidence from Russia. *Annals of Regional Science*, 2017, vol. 59, no. 2, pp. 535–569.

General Characteristics and Regional Differences of Migration Processes in the Far East of Russia in the Post-Soviet Period

S. N. Mishchuk

Institute for Complex Analysis of Regional Problems, Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences, Birobidzhan, Russia

e-mail: svetamic79@mail.ru

Received July 28, 2018; revised January 29, 2019; accepted April 04, 2019

The article analyzes regional features of migration processes dynamics of in the Far East of Russia in the post-Soviet period (1992–2016). Indicators of migration intensity for migrant arrivals and departures, migration effectiveness and impact of migration flows on the whole Far Eastern region and its subjects were considered. It is shown that until 1997 in the Far East's migration turnover the largest share of migrants moved within Russia (excluding Far Eastern federal subjects), however, since 2000 to the present time, the intraregional flow of migrants exceeds the total share of interregional and international migrants. As part of the assessment of internal labor migration, federal subjects of the Far East with maximum and minimum sizes of population engaged in labor activity outside the region of residence were identified. The study of the dynamics and territorial structure of international labor migration for the period 2010–2015 reflects the loss of the Far East leading positions in the number of attracted labor immigrants among the federal districts of the Russian Federation. It is established that in most federal subjects the number of migrants working based on patents prevails. Formation of various approaches at the federal and regional levels to the practice of attracting migrants to the labor market in the Far East is shown based on the analysis of the implemented measures of migration policy from 2013 to 2017.

Keywords: Far East, labor migrants, intraregional migration, interregional migration, international migration, post-Soviet period.

DOI: https://doi.org/10.31857/S2587-55662019653-67